

Анна Музыка
Родственные души

16+

Анна Музыка

Родственные души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43677504

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99392-1

Аннотация

Влюбленность – это стыдно? А если ты уже замужем? Осмелится ли героиня впустить в свою жизнь новое чувство? Прислушаться к себе, и хотя бы раз в жизни честно признать – моя жизнь мне не нравится. Сделать шаг в неизвестность, наплевав на осуждения, собственные страхи и неуверенность. Поверить и бороться за свое счастье... Эта книга для романтиков. Для тех, кто устал от колючего тревожного мира и от жестоких сюжетов в кино и литературе. Погрузитесь в атмосферу уютного летнего вечера, новых знакомств и решительных перемен.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Музыка

Родственные души

Глава 1

Я ждала новую группу туристов у международного терминала Шереметьево, около микроавтобуса, который ближайшую неделю будет катать нас по городу.

С погодой очень повезло, середина июля не всегда радуется таким беспечно чистым небом. Безветренно, и, если на секунду замереть, можно физически почувствовать, как покрываешься пылью от постоянной стройки и выхлопных газов.

В аэропорту как всегда шумно и людно, всюду снуют такси, встречающие, провожающие и летающие. Я начинаю волноваться о предстоящем знакомстве, хочется поскорее перейти от формального к непринужденному общению.

Для меня этот опыт экспериментальный. Приезжает немецкая рок-группа, их директор и переводчик. Всего пять человек, а я их гид, экскурсовод, сопровождающий, все в одном флаконе. У меня уже готова основная программа прогулок, плюс заказчикам может потребоваться дополнительная помощь в решении туристических вопросов. Первый раз работаю с музыкантами, надеюсь, что справлюсь.

А вот, кажется, и мои подопечные.

Пару секунд спустя я понимаю, что только меня тревожит первое впечатление. Единственная девушка прошла в автобус даже не поздоровавшись. Парни, по виду моего возраста, тоже молча подошли, двое из них коротко кивнули, один на секунду остановился, посмотрел долгим внимательным взглядом, чуть улыбнулся и тоже сел в автобус. И все тут же уставились в окна, как будто на автостоянке уже происходило что-то интересное.

Надо же, такие неприветливые, а потом будут рассказывать, что русские угрюмые.

Последним ко мне подошел невысокого роста мужчина, на вид лет сорока, протянул руку для знакомства и приветливо поздоровался.

– Добрый день! Я Виктор Чижов, переводчик этих оболтусов, – представился он.

– Очень приятно! Кира. – мы пожали руки.

Я пропустила Виктора вперед, последней вошла в автобус и сказала водителю, что мы готовы ехать. Первым делом нужно заселить музыкантов в гостиницу.

– Но почему оболтусов? – я обратилась к переводчику, когда мы разместились в конце салона.

Он только отмахнулся:

– Да не обращайтесь внимания, это я без обид. Кто они еще, если не оболтусы, при первой встрече так невоспитанно себя вести, – он достал из кармана брюк смятый, в коричневую

клетку платок, и промокнул покрытый испариной лоб, – мы уже столько лет знакомы, всё пытаюсь их воспитывать. Кира, можно на ты?

Я кивнула и спросила:

– Что-нибудь случилось?

– В самолете немного потрясло, Леони – он кивнул в сторону девушки – это их директор, она вечно паникует, ну и хряпнула успокоительного лишку.

Тут он подмигнул, намекая на принадлежность успокоительного к алкоголю. Я только понимающе кивнула, и внимательно слушала, пытаюсь понять, что за фрукты свалились на мою голову.

– Начала требовать, чтобы парни сыграли, что мол, ну знаешь, как у нас говорят: «Помирать, так с музыкой», – Виктор по-детски добродушно рассмеялся, – ну они ее успокаивали, боялись, как бы скандала не случилось. Слово за слово, и как-то все поругались. Не переживай, скоро отойдут.

– Хорошо, – ответила я, – тогда может быть вы мне немного о них расскажете?

Виктор повернулся ко мне вполоборота, сказал:

– Только «ты», мы же договорились, – и с воодушевлением начал: – смотри, по-русски они совсем не говорят, с английским у Доминика хорошо – кивок в сторону крепкого высокого блондина, с такими длинными волосами, о каких я могла бы только мечтать, – гитарист. Он австралиец.

– И Хайни тоже неплохо знает – это их солист, – указал на

кудрявую голову, которая принадлежала тому парню с пристальным взглядом, – отличный парень, голос и душа этой компании.

– А Карл хорошо хоть на немецком говорит, он у нас немного нелюдимый, – Виктор кивнул на худощавого парня с темными короткими волосами, торчащими бессвязно в разные стороны, который хмуро смотрел в окно. При этом переводчик понизил голос, словно опасаясь, что Карл мог понять, что говорят о нем, – он ударник, хороший парень, только у него проблемы с семьей и он такой, знаешь, немного слишком «в себе».

– А кто-нибудь из них бывал раньше в России?

– Нет, все в первый раз. Только я бывал, только я, – чуть более отстраненно ответил Виктор, будто с легкой ностальгией в голосе.

Что ж, спасибо словоохотливому переводчику, вот я и познакомилась с группой, буквально узнала их «по головам». Не лучшее начало сотрудничества, мне всегда хочется, чтобы все от первой встречи, до последнего «Спасибо! Хорошего полета!» проходило с теплым гостеприимством.

Остальную часть пути ехали молча, только иногда Виктор восклицал, как все изменилось, когда мы проезжали, очевидно, знакомые ему места.

Глава 2

Мои звездные туристы остановились в гостинице «Националь». Из автобуса я выходила последней, снаружи, к моему удивлению, меня ждала протянутая навстречу рука.

– Не возражаешь, если я помогу?

Тот парень с кудрявой головой отделился от толпы и стоял теперь передо мной, ожидая, когда я спущусь, широко растягиваясь в открытой улыбке, с небольшой хитринкой в ямочках на щеках.

Я улыбнулась в ответ и вышла из автобуса, принимая его открытую теплую ладонь.

– Я Хайни.

– Кира, – я представилась в ответ, и почувствовала легкое жжение на своих щеках.

Странное, давно забытое чувство неловкости, с чего бы? Из-за прямого изучающего взгляда? И что тут такого? Просто веду себя непрофессионально.

Стараясь не обращать на это внимание, я пошла вместе с остальными в холл гостиницы, убедиться, что с заселением все в порядке. После регистрации Хайни снова подошел ко мне, давая понять своей команде, чтобы они уходили, и он присоединится к ним позже. Он поправил рюкзак на плече и сказал:

– Спасибо, что встретила нас. Надеюсь, мы не показались

слишком грубыми? Вообще-то мы хорошие ребята, просто в этот раз так совпало, что все были не в духе. Я думаю, Виктор все объяснил?

– Конечно, все в порядке, – я зачем-то поправила прядь волос, хотя она в этом не нуждалась.

– Ок, тогда может быть подскажешь какой-нибудь уютный ресторанчик, где мы могли бы поужинать? – улыбка снова расплзлась и уткнулась в маленькие впадинки ямочек, и что-то такое неуловимое показалось в глазах.

– Да, в вашей гостинице есть ресторан – «Доктор Живаго», там довольно уютно и хорошая публика, попробуйте начать с него, – я старалась придерживаться формального делового тона.

– Живаго – это что, какой-то очень известный доктор?

«Любопытно, наверное немцам не пришло бы в голову называть рестораны в честь врачей, но неужели, правда не знает?»

Я ответила:

– Нет, это название романа одного очень известного русского писателя. За эту книгу его даже хотели наградить Нобелевской премией.

– Только хотели?

– Он в итоге отказался от нее, это довольно интересная, но долгая история.

– Я бы послушал.

«Что в нем за хитринка? Не поймешь, он смеется надо

мной или ему правда интересно.»

– Хорошо, я как-нибудь расскажу ее, при случае.

– А приходи сегодня ужинать вместе с нами? Мы соберемся часов в семь, это нормально?

– Конечно, с удовольствием к вам присоединюсь – я вдруг забыла, как правильно пользоваться руками, то хватаясь за сумочку, то пряча их в карманы, как будто это был не обычный разговор, а приглашение на свидание.

– Супер! Буду ждать. Большое спасибо, Кира, еще раз. До встречи!

«Немного картавит, так интересно произносит «Кира», мало того, что на английском с сильным немецким акцентом, так еще и хрипловато смягчает «р», будто огромный лев мурчит твоим именем.»

Ох, вот тебе и первая встреча. Неловкое знакомство, потом эта странная реакция на незнакомого мужчину. В моей вселенной флирт вообще давно отменили. Примерно в тот день, когда я встретила своего будущего мужа. С чего бы вдруг эта функция проснулась именно сейчас?

Глава 3

Вечером вся творческая группировка выглядела куда более жизнерадостной. Когда я пришла, они уже разместились за столом, что-то обсуждали и смеялись.

Я подошла к столу, и села за единственное свободное место, которое оказалось напротив солиста. Ребята немного виновато переглянулись, кивнули в сторону переводчика, он откашлялся, встал и обратился ко мне:

– Кира, товарищи музыканты хотят принести Вам свои извинения за столь недружелюбное знакомство, надеются исправить впечатление о себе и заслужить вашу дружбу.

Он закончил и картинно поклонился. Виктор немного переигрывал, нарочито подчеркивая это «Вам», но получилось искренне и забавно, ребята дружно кивали головами, ни слова не понимая из того, что так старательно вещал переводчик. От того ситуация выглядела еще комичнее, я засмеялась, уверила ребят, что они абсолютно прощены, и взяла меню, чтобы присоединиться к их ужину. К слову, возле директора уже стояла бутылочка красного вина, и она была больше заинтересована в изучении форели на своей тарелке, чем в этом маленьком представлении. Любопытная девушка. Интересно, как она будет участвовать в нашей программе? Я не знаю столько алко мест в Москве.

Вечер прошел очень расслабленно и в дружелюбной атмос-

сфере. Молодые музыканты, влюбленные в свое дело, кто на немецком, кто на английском, под перекрывающий их голос Виктора рассказывали о своих песнях, Германии, фанатах, о себе, о том, что это их первый концерт в России, они очень переживают, как их встретит местная публика. Еще им очень интересна наша история, люди. И, конечно, они наслушались разных страшилок и теперь хотят все проверить и понять, что же все-таки значит, и какие секреты в себе таит эта загадочная *russische seele*¹.

Мне с ними было очень комфортно, такие живые, энергичные. Только от взглядов солиста, прямых, внимательных, изучающих, словно бы он присматривался к моим истинным, скрытым в глубине души чувствам, все мои движения становились напряженнее, немного скованными, со смешанным чувством страха показаться глупой, сделать что-то не то. Я украдкой поглядывала на него, как в старших классах на мальчика, который нравится, пытаюсь понять, что мне в нем интересно. Я не находила его особенно красивым или мужественным, как Крис Хэмсфорд, например. Симпатичный, высокий, темноволосый, кареглазый – это да, как и множество других парней. Немного нескладный, худоват, волосы кудряшками падают на лоб. С чувством юмора, хорошо говорит, по первому впечатлению – не глупый.

В целом – интересный, но обыкновенный, совершенно обыкновенный человек.

¹ *Russische seele* – русская душа (нем.)

Только что делать с этими глазами, горящими, страстными, в которых читается больше интереса и жизни, чем во взглядах всех моих знакомых вместе взятых? Как не поддаваться исходящей от него энергии, которая заманивает тебя в игру, обещает что-то загадочное, яркое, неожиданное?

И голос. Не удивительно, что он стал музыкантом, я бы жила уже только для того, чтобы слышать этот голос. Мягкий, с хрипотцой, глубокий, с этой мягкой «р». Я ловила каждое его слово, и, надеюсь, это было незаметно.

Ужин подходил к концу, мы начали собираться, и я спросила у Виктора – кому перечислить деньги за свой заказ, потому что счета за столом так и не увидела. Он сказал, что Хайни попросил записать оплату на его номер, так что я ничего не должна. Мне это показалось неуместным, когда все направились к выходу, я подошла к нему и сказала:

Хайни, Виктор передал мне, что ты взялся оплачивать весь счет, и это, конечно, очень мило с твоей стороны, но я хотела бы вернуть свою часть.

– Нет, – один уголок его губ направился вверх, но голос оставался серьезным.

– Почему?

– Потому что я так решил. Мне нравится мое решение, зачем я буду его менять? – он наклонил голову, словно проверяя, как яотреагирую.

– Затем, что я может быть с ним не согласна, – он был так мил, что я не могла сохранять серьезный тон и увлекалась

его заигрыванием.

Мы вышли в свежую прохладу летнего вечера. От высоких окон ресторана на тротуар падал мягкий желтый свет, из расслабленного зала вы ворвались в плотный поток шума и спешки машин и людей. Не сговариваясь, мы пошли прямо, продолжая разговор. Остальная группа осталась позади, мы даже не заметили, что не попрощались.

– Хорошо, давай обсудим. Как ты считаешь, кто должен принимать решения – мужчина или женщина? – спросил Хайни.

Я на секунду задумалась, и ответила:

– Слишком глобальный вопрос. Вообще, скорее мужчина, но к текущей ситуации это не имеет отношения. Это больше относится к принятию семейных решений, в которых все равно оба партнера должны участвовать.

– Вот и я считаю, что мужчина, – он расправил плечи, от чего спина стала совсем ровная и он стал казаться еще выше, – можно тебя проводить до такси?

– Можно, – от него веяло такой уверенностью и спокойствием, что я не могла сопротивляться, – хорошо, пока что убедил, но у меня просто было мало аргументов. Спасибо за ужин. Кстати, нам туда, – я указала на поворот, за которым находилась парковка.

– Тебе спасибо. Если вся Москва такая, как встреча с тобой, то она мне уже нравится.

«Ох, как мне повезло, что уже сумерки.»

Мы нашли свободное такси, Хайни открыл дверь и взял мою руку, помогая садиться, от чего у меня внутри словно разлилась горячая волна, унося кровь отовсюду к сердцу, а потом по всему телу, только оставляя ледяными руки. «Интересно, а он чувствует что-нибудь в этот момент?»

– До завтра! – Хайни помахал мне и уже через минуту водитель скрыл его от моих глаз.

Всю дорогу домой я думала о том, как это важно, чувствовать себя рядом с мужчиной уверенно, на одной волне, но под его руководством и защитой. Нет, я ничего плохого не хотела сказать о своем муже, но в нашей семье часто принятие решений доставалось мне. Я вспомнила, как однажды ехала в метро, переполненная забот и грузом ответственности прошлой работы, и отчаянно хотела опереться на кого-то, на чье-то сильное, крепкое мужское плечо. Хотя у меня был муж. Странно, что я вспомнила об этом сейчас.

Глава 4

Перед сном я включила послушать их музыку. Группа называется «H.D.K.» Позор мне, даже не догадалась добавить пару песен в телефон до встречи, но я не фанат немецкого рока, и не думала, что это пригодится в работе. Оно, собственно, и не требовалось, но захотелось еще раз услышать его голос.

На удивление мне очень понравилось. Немного резал слух немецкий язык, но он частенько напоминал мне французский по звучанию. К тому же много песен было и на английском. Мне попало несколько лиричных, убаюкивающих мелодий, где гармонично сливались звуки пианино и саксофона, и парочка динамичных, танцевальных песен, в которых главным героем выступала гитара.

А какой глубокий голос с хрипотцой у солиста, о чем бы он там не пел...

Муж забрался под одеяло и спросил, как прошла встреча. Я вздрогнула от неожиданности, таким далеким, мне сейчас казалось, все, что происходит в реальности.

– Все нормально, как всегда, хорошая компашка, – я подергала плечами.

– Ну и отлично, ты у меня большая молодец.

Я испугалась, что он начнет расспрашивать, и я покажу лишнее своим румянцем или неуместным замечанием. А

вдруг он начнет ревновать, хотя и нет никакого повода, что я скажу? Как оправдаюсь? Но нет, муж повернулся снова к телефону, а я сделал вид, что читаю книгу, хотя сама сгорала от стыда от того, что так увлеклась чужим голосом.

Завтра у нас первая экскурсия, нужно выбросить все это из головы.

Я долго думала, с чего начать наше путешествие. С одной стороны, можно было показать дома в старорусском стиле, покрытые исторической пылью переулки, дома известных писателей. Или начать с чего-то более привычного для иностранцев, готического стиля, остроугольных крыш, католических церквей.

Москва может удивить любого гостя, но, чтобы это было приятное удивление, нужно знать правильные места.

Глава 5

Я выбрала второе. На следующий день мы заехали за туристами. Леони не спустилась с остальными, и я спросила, будем ли мы ее ждать.

– У нее тут своя программа, – подмигнул мне блондин Доминик, – если в нашем расписании нет баров, можно ее не беспокоить. Да и раньше трех ее теперь не добудишься.

– Хорошо, тогда пойдем, – я в нетерпении ожидала интересные рассказы.

С погодой снова повезло, правда было немного жарко для долгих прогулок, но я надеюсь, мне попались крепкие парни.

Поскольку «Националь» находится ровно напротив Кремля, мы начали маршрут с Красной площади. Все-таки сердце страны игнорировать нельзя. По пути рассказывала про основание Москвы.

Есть легенда, например, что на берегах Москва-реки еще до 1147 года располагались сёла богача Степана Кучки, который однажды не оказал должных почестей проезжавшему через его земли князю Юрию Долгорукому. Сыну Владимира Мономаха это пришлось не по душе и он велел казнить недружелюбного боярина. Дочь Кучки он отдал своему сыну Андрею в жёны, а земли забрал себе, построил город и назвал его по имени реки – Москвой. Такая вот была насыщенная цивилизованная жизнь.

Парни слушали, вопросов не задавали, а больше озирались по сторонам и просто глазели на дома и людей. Прохождение с любопытством оглядывались на нас в ответ, но никто не подходил фотографироваться, или за автографом.

Повезло, что не было никаких мероприятий на самой площади, можно было в полной мере насладиться широтой мощеной площади, как символом широты русской души.

Похоже, мои новые друзья-товарищи тоже так подумали. Стоило только дать им пять минут свободного времени для фото. Сделали пару кадров (заморские парни тоже равнодушнее к фото, чем девушки), потом Карл включил на всю громкость какую-то мелодию на своем айфоне, и великовозрастные парни, как непослушная детвора, начали распевать свои песни во весь немецкий голос.

Я хохотала как сумасшедшая. Во-первых, мне начинает казаться, что одна из целей их поездки – засмущать меня до цвета Кремлевских стен.

Во-вторых, они были так безоблачно счастливы, так живы в этот момент. Как единое целое, трое ребятишек в телах взрослых парней. Они наслаждались своей музыкой, питались ее энергией. Я смотрела на них с восторгом, не понимая ни слова из их песен, но наслаждаясь ритмом и звучанием. И этим нескладным парнем в шортах и синей толстовке. Который неожиданно прервал свое чудесное пение и, что? танцевать? о, боги. Я подчиняюсь его хитрому обаянию и вот уже, теряя последний профессиональный облик, танцую с ним на

каменной площади любимейшего города, заливаясь неожиданным счастьем.

Благо, доблестная охрана правопорядка строго стоит на страже счастья и несчастья нашего населения. И вот уже я снова краснею и оправдываю своих горе-путешественников и убеждаю, что «ну это же немцы, музыканты, что с них взять». А Хайни стоит рядом и уверенно на немецком что-то доказывает полицейскому, забыв хотя бы перейти на английский и не давая тому ни единого шанса на понимание. Только моя природная способность виновато краснеть и скороговоркой рассыпаться в извинениях спасает нас от гнева блюстителя спокойствия.

Скорее ретируемся с опасной площади. Ребята смеются, хвалят меня, хлопают по-свойски по плечу. Кажется, я прошла их личный обряд посвящения.

Мы дошли до Китай-города и заслужили порцию вкусно-го мороженого из джелатерии на стороне Маросейки. Я себя снова почувствовала, как в детстве, когда гуляешь с лучшими друзьями и мир вокруг бывает только счастливым.

Пока мы наслаждались прохладным лакомством из больших чашек, сидя на деревянных скамейках Ильинского сквера, ребята рассказывали мне о себе. Еще один вид историй, которые мне нравятся.

Я выяснила, что Доминик приехал из Австралии в Германию, мечтая учиться на программиста, потом попал на концерт Rammstein, влюбился в гитару и пропал, теперь живет

и дышит только этим. В Германии обзавелся семьей, возвращаться в Австралию даже не думает. На мой вопрос о жизни в Мельбурне, который считается самым комфортным городом в мире, он философски и очень серьезно заметил:

– Да, считается, но ведь и там есть депрессия, и суициды. Люди по всему миру испытывают трудности и давление. Не нужно думать, что приедешь в райский уголок, и все само собой устроится. А счастливым можно быть и работая полярником на станции, где вообще никакого комфорта. Ведь так? – довольный своими мыслями, он отправил в рот следуюшую ложку с мороженым.

Мы согласно закивали.

– Не говоря уже о пауках и змеях в самых неожиданных местах, – добавил Хайни, и все рассмеялись.

Карл оказался коренным немцем, вся семья которого работала на заводах. Естественно, его судьба была предопределена с ранних лет. Только вот его заинтересовала музыка. И так сильно, что ни одни семейные скрепы не смогли бы его остановить. Никто Карла не поддержал, может быть поэтому он до сих пор немного зажат и держится ото всех чуть более отстраненно. Хотя какие-то традиции он все-таки перенял. Он невероятно консервативен. Верит в теорию золотого миллиарда, презирает все американское и английский язык не учит принципиально.

С Виктором тоже любопытная история. Вообще, да простят меня все Викторы, но совершенно же не понятно, как

можно всерьез относиться к человеку под сорок лет, которого зовут «Витя»? В пять лет это мило, но в сорок... Может быть поэтому Чижов ведет себя шутливо, много смеется и вообще производит впечатление крайне позитивного человека – потому что просто нельзя быть серьезным, когда имя тебе – Витя.

Так вот, он родом из Ленинграда, в девяностые был еще совсем юнцом, под шумок уехал в Германию за лучшей жизнью, и прижился. Подрабатывал как мог, собирал клубнику, мыл посуду, не чурался любой работы. Потом выучил язык, потом еще один, и вот уже работает переводчиком в ведущих компаниях Германии, а потом нашел «этих чудесных ребят», как он их называет, с теплотой отеческого взгляда глядя на них. Похоже, он невероятно рад своей находке.

– А ты замужем? – раздался вдруг неуместный, как хор Турецкого на рэп-батле, вопрос.

Как-то неловко все замолчали, а Хайни продолжал смотреть в упор мне в глаза.

– Замужем.

– Тогда почему у тебя нет кольца?

– Есть, в России кольцо носят на правой руке, вот, – я помахала рукой, на которой в нужном месте значилось самое обыкновенное золотое кольцо.

– И что, ты очень любишь своего мужа?

Я, конечно, немного опешила от такой наглости, но все-таки ответила:

– Люблю.

– В вашей России так модно, рано выходить замуж?

Если бы не его тон, немного возмущенный и укоризненный, как будто я была виновата, я бы, пожалуй, и не восприняла этот вопрос неуместным. Ничего удивительного, иностранцам часто интересны местные традиции брака. Но я почувствовала, что он выходит за какие-то рамки.

– Не модно, а вполне нормально, – коротко отрезала я, – кстати, вы знаете, что мы сейчас находимся «У черта на куличиках», – попробовала я перевести тему, – знаете, что это такое?

Все отрицательно покачали головами, старательно отводя взгляды от Хайни, который просто уставился на меня своими глубокими темными глазами. Я начала объяснять значение выражения и его отношение к этому месту, стараясь не обращать внимания на странную раскаленную энергию между нами.

Что ж, пойдем дальше и будем надеяться, что летняя толпа и мои чудесные домики помогут ее разрядить.

Главное, так чудесно вокруг. Пошли по тесной Маросейке, где кругом и всюду бары, кафе, люди, коты, шумно, ярко, быстро. Все живет, движется, дышит из одного окна ароматным шашлыком, из другого слышится звон бокалов. Парень в рваных джинсах, майке и с сине-зелеными волосами уместился на пуфике в одном из оконных проемов, увлеченно мучает гитару и поет что-то нескладное. Суетливо, густо,

кажется, что толпа может унести тебя в неизвестном направлении.

И вот случается моя любимая магия – мы ныряем в Колпачный переулок, и словно попадаем в другой город. Все звуки резко исчезают, становится слышно, как шуршат деревья, как стучит каблучок по тротуару, узкая улочка зигзагом уходит между невысокими домами. Редкий встречный прохожий попадется тебе, словно все жители собрались там, на главной улице. А здесь будто задворки театра, где можно подготовиться перед выходом на сцену.

Полагаю, я произвела нужное впечатление. Ну и немного напугала всех, наверное. У ребят сначала были такие лица, будто теперь-то уж точно я завела их в подворотню и сейчас появятся мои персональные бандиты. Хорошо, хоть было светло и красиво кругом. Все немного расслабились, снова начали шутить, и спокойно болтать в тишине переулка.

В самом начале оценили красоту особняка Кнопа, послушали мои рассказы о владельцах и судьбе здания неоготического стиля.

– ... ходила поговорка: «Где церковь – там поп, а где фабрика – там Кноп». А в 1941 году в этом доме принимали добровольцев на фронт. Именно отсюда на войну отправилась Зоя Космодемьянская, знаете, кто это?

Хайни и Доминик сразу кивнули, Хайни сказал:

– В школе проходили.

– Хорошо, – я с чувством удовольствия кивнула, – идем

дальше, мы посмотрим кирху Петра и Павла, прихожанами которой были Кнопы. Они и дом здесь построили специально поближе к собору. Но сначала заглянем в парочку старинных и очень интересных переулков, – неприятный инцидент уже забылся, все были поглощены новой информацией, а я только старалась не переборщить.

– А теперь здесь что? – спросил Хайни, когда я уже сделала пару шагов от дома. Я снова развернулась и ответила:

– К сожалению, теперь здание просто принадлежит коммерческой организации.

– Ясно, – он бросил беглый взгляд на острые серые башенки и с любопытством посмотрел на меня, сцепив руки за спиной, сказал, – идём?

У меня холодели руки от его взглядов, так что я поспешила идти быстрее, чтобы остудить свои нервы.

Мы подошли к Хохловскому переулку, где с 1665 года сохранились палаты дьяка Украинского. Сильно обветшалое здание, построенное буквой «г», специально, чтобы разделить женскую и мужскую части. Бывшая когда-то белой покраска практически полностью утратилась, и обнаженные кирпичи стыдливо выпячивали на улицу свои бока. Помимо жилого помещения, этот дом успел послужить в качестве архива, здесь над своими произведениями работали Пушкин и Карамзин. Тем печальнее видеть архитектурного ветерана в таком плачевном состоянии. Словно он ничего не стоит для родного города.

– Эти улочки совсем как наши, – заметил Доминик, осматриваясь и заглядывая в глубину Хохловского переулка.

Карл что-то спросил и выжидающе оскалил кривоватые острые зубы.

– Карл спросил, под «нашими» ты имеешь в виду Германию? – объяснил Виктор, обращаясь ко мне.

Судя по восклицанию Доминика и его попытке столкнуть Карла с тротуара, у того нашлось, что ответить.

– Я не буду это переводить, – рассмеялся Виктор.

Пока ребята препирались, снова доказывая, что в их паспорта закралась ошибка с датой рождения, Хайни подошел ближе ко мне.

– Кира, ты была когда-нибудь внутри этого дома? – спросил он, разглядывая крошечные окна палат.

– Нет, – отозвалась я и тоже уставилась в окно, представляя, как там все могло быть устроено, – хотя, сейчас там разные фирмы, не думаю, что проблематично зайти внутрь.

– Это должно быть очень интересно, – он задумчиво перевел взгляд на меня, – должен признаться, я люблю заглядывать в окна, представлять, как там живут люди, мне должно быть стыдно? – судя по искоркам в его глазах, ему совершенно точно не было стыдно.

– Только если за нас двоих, – поддержала я его игру, – я тоже люблю воображать судьбы в мягком свете домашней лампы.

Хайни засмеялся, назвал это «поэтичным оправданием»,

и мы отправились дальше.

Слева к палатам прислонился еще один сторожила – бывшая нотная типография Юргенсона, в которой были впервые напечатаны произведения Чайковского. Мы прошли здание когда-то тепло-голубого цвета, с белым декором. Теперь уже оно было сильно растрёпано, кое-где виднелись красные стены, словно ссадины на теле гиганта. Большую часть дома занимали огромные широкие окна, сквозь которые казалось, что помещение внутри пусто, с бесконечно высокими потолками и уходящими вглубь комнатами.

Затем мы повернули в небольшой садик, прошли к фасадной части особняка Морозовых, в котором располагалась мастерская Левитана.

... здесь бывали знаменитые писатели, художники и музыканты. Теперь и вы, можно сказать, прошли по одной земле с Шаляпиным и Чеховым.

– Я чувствую, у меня словно открылся новый источник для вдохновения, – сказал Хайни и сделал глубокий вдох, прижав руку к груди. Я снова не могла понять, шутит ли он, или правда вдохновлен этим местом.

Далее, мимо церкви князя Владимира и собора Иоана Предтечи мы вышли к Старосадскому переулку, в котором нашли Петропавловский собор. Вообще, я выбрала очень колоритный район Москвы, на каждый квадратный метр найдется что-то интересное.

Недавно отремонтированный комплекс зданий, наряжен-

ный в свежую краску теплых солнечных тонов, утопал в зелени двора. Высокую готическую башню венчал серебряного цвета крест, от которого, словно от приветливого маяка, рассыпались на улицу и лица прохожих яркие лучи.

До нас донеслись звуки органа, мы одновременно замерли, стоя во внутреннем дворе и прислушались к стройной умиротворенной мелодии.

– Здесь находится орган 1898 года, – сказала я полупшепотом через несколько минут.

В этот момент все было так ясно, тихо и просто. Мы впятером словно были очень близки друг другу, как будто знакомы много лет. Мы тихонечко вошли внутрь и постояли еще какое-то время в уютном уголке шумной Москвы, не говоря ни слова и не чувствуя ни капли неловкости при этом.

Только когда мы собрались уходить я поняла, что очень проголодалась и устала. Я оглянулась на парней, они мужественно молчали, но на их лицах читалась готовность променять духовную пищу на материальную. Мою идею отправиться на одну из веранд, в ассортименте представленных на улице Забелина, все восприняли с нескрываемым энтузиазмом.

– Слушай, а ты придешь на наш концерт? – спросил Доминик после сытной порции «русских равиоли» – так они называли пельмени. Глупцы, разве могут «равиоли» передать всю прелесть «пельменей».

– Я не планировала, но да, если позовете.

– Зовем, конечно зовем! – и в сторону Карла бросил что-то на немецком, очевидно, объясняя свое приглашение.

К моему удовольствию Карл тоже радостно закивал.

– Он будет послезавтра, не забудь, – строго сказал Доминик, – в восемь вечера. На какой-то площадке со смешным названием? – он вопросительно посмотрел сначала на Виктора, потом на Хайни.

– Что-то про специи, – ответил солист.

– В Крокусе²? – я еле сдерживала смех.

– Ну да.

– Хорошо, я обязательно приду.

Я с удовольствием вытянула под столом уставшие ноги, затем выпрямилась, поставила чашку от выпитого кофе на стол и бодро, с новыми силами сказала:

– Итак, друзья, моя часть программы на сегодня закончилась. Теперь на ваш выбор – можем сходить в исторический музей, галерею, или куда хотите еще?

Карл и Доминик переглянулись, как двоечники, задумавшие сбежать после третьего урока.

– Кира, а ты не расстроишься, если я вернусь в отель? Мне нужно выйти в скайп к своим, – спросил Доминик, – мне правда очень все понравилось, но Мия уже наверное вернулась из садика, а я свихнусь, если ее не увижу.

– Конечно, Доминик, никаких проблем, семья прежде всего.

² Crocus переводится как “шафран” (англ.)

– Вот такой из него безбашенный рокер, чуть только разговор заходит про его дочурку, так парень забывает обо всем на свете, – хлопая друга по плечу добавил Хайни.

– И это очень мило, по-моему. А как насчет остальных?

– Кира, Карл просит сказать тебе, что тоже очень извиняется и просит твоего разрешения, чтобы он мог вернуться и порепетировать лишний часик, – сказал Виктор.

– А разве не нужно репетировать, когда вы все вместе? – я удивилась.

– Он говорит, что нет, он хотел бы поработать над своими партиями, – сказал переводчик.

Карл виновато развел руками.

– Конечно, – «интересно, они все решили освободить мой вечер?»

– Раз такое дело, думаю, вам двоим переводчик не нужен, – Виктор подмигнул мне, – я тогда пройду по своим старым знакомым местам. Действительно, большое спасибо, Кира, в Москве я бывал много раз, но с такой стороны еще ни разу не видел, – и он галантно поклонился мне и пожал руку. Ему явно подошел бы светский Петербург для жизни, с такой манерностью.

– Хайни, ты останешься? – спросил Доминик.

Все засобирались, оплачивали счет, комкали салфетки, оглядывались в поисках забытых вещей.

– Да, я бы еще немного прогулялся, тем более что Кира обещала мне рассказать про одного писателя, который так

и не получил Нобелевскую, — он ненароком заглянул в мои глаза.

— Ок, тогда до встречи!

Вот тебе и свободный вечер...

Мы попрощались с ребятами и пошли через Забелина, по Варварке к Зарядью. Близился вечер, людей на улице становилось все больше, я немного беспокоилась о том, как бы не потерять главный голос этой рок-группы и старалась держаться к нему как можно ближе, но не нарушая личных границ. В любую секунду я была готова схватить его за руку, чтобы спасти от московской толпы. Жаль, что такая секунда никак не подворачивалась.

— Так кто это такой, твой Живаго? — Хайни шел, держа руки за спиной, и заглядывал своими хитрыми глазами в мои глаза, как будто искал там ответы на свои самые сокровенные вопросы. Но в этой хитрости я не читала злого умысла. Напротив, в его глазах не было решительно ничего плохого, только детское любопытство, желание испытывать, изучать. Он шел ближе ко мне, чтобы не толкнуть случайно прохожего. И немного наклонялся вперед, как будто хотел лучше услышать меня. Да, пожалуй, это было уместно, учитывая, что он на целую голову выше меня.

— Думаю, что Живаго — это альтер эго его автора, Бориса Пастернака. Пастернак вложил в главного героя, Юрия Живаго, всего себя, свои мысли, мировоззрение, все свои самые тонкие чувства. Может быть, от этого он и подвергся гоне-

нию со стороны правительства, от того, что было слишком очевидно это сходство, слишком ясно, что он пишет про себя.

– Что за гонения?

– Вообще, сложный вопрос. В то время, когда Пастернак выпустил свою книгу, у нас был Советский Союз, ты знаешь что-нибудь про Советский Союз?

– Конечно! Советский Союз победил Германию во Второй Мировой.

– Правильно. Но это одна часть в большом периоде Советской жизни. Понимаешь, вся жизнь менялась. Люди хотели делать для себя, для всех, чтобы всем хватало необходимых вещей: еды, крыши над головой, одежды. Это сложно, потому что обязательно найдутся те, кто захочет себе взять побольше, чтобы другим осталось меньше, или вовсе ничего не досталось. А трудиться такие совсем не хотят.

– Как сейчас, – он понимающе кивнул.

– Примерно так, – мне было приятно, что он меня понимает, – это сложно и важно было не допустить возвращения старых порядков, исключить развитие вот этой как раз единой мысли. Для чего активно пропагандировали идеи Маркса, Ленина. Понимаешь?

– Конечно, продолжай.

– И также была цензура, которая отслеживала, чтобы против этой мысли не было книг, кино, песен, стихов. Потому что сила искусства очень велика, и влияние на умы можно

оказывать огромное.

– О, да, полностью согласен, – он оживленно закивал, – я читал книгу о том, как ЦРУ ведёт государственную пропаганду, активно используя все виды искусства, это просто нечто! Но продолжай, прости, я перебил тебя.

– Ты прав, и у нас сейчас точно также есть цензура, просто пропагандируются другие ценности. Так вот, конечно, идеологи прошлого немного перегибали, такова особенность времени. Ты знаешь что-нибудь о гражданской войне в России?

– Мммм..... революция? Что-то помню, но не много.

– Да, простой народ был доведен до крайнего состояния и не мог больше терпеть гнета своего «барина», люди объединились и устроили революцию. Если захочешь, я тебе расскажу про это в другой раз. Главное вот что, тех, кто был за монархию, за капиталистов и власть меньшинства над большинством – их называли «белые», а простой народ, который боролся за свои права, за возможность получать образование, медицинские услуги хорошего качества...

– Как забастовка!?

– ... похоже. Только в масштабах государства и ради других идей и ценностей. Вот, их называли «красные». Красные в итоге победили, и они-то как раз боролись с пропагандой белых и всего, что с этим связано. К слову, у Пастернака прекрасное произведение. Если у тебя будет время, обязательно прочти, хотя бы в переводе. Каждое описание живо, словно картина от руки великого мастера. Происходящее в кни-

ге яркими событиями отражается в воображении. Слова гармоничны, льются широкой рекой, затрагивают твою душу.

– Даже на тебя подействовало. Сама заговорила лирично, – снова эта довольная открытая улыбка.

– Да, невозможно читать Пастернака и оставаться равнодушным. В том числе в его книге много говорится про гражданскую войну. Возвращаясь к цензуре. Он пишет и о том, что гражданская война была необходима, ожидаема, что, подожди-ка, как там... да, вот: «Пока порядок вещей позволял обеспеченным блажить и... что-то там... за счет необеспеченных, как легко было принять за настоящее лицо эту блажь и право на праздность, которым пользовалось меньшинство, пока большинство терпело». Да, кажется, так.

«Он так внимательно слушает, меня уже много лет никто так не слушал, даже мои туристы» – мелькнуло в этот момент у меня в голове.

– Так вот, хоть он и писал о неизбежности войны, к концу книги его герой приходит отрешенным от этого вопроса. Он не хочет, не принимает ни одну из сторон. Юрий говорит, что хочет только просто жизни для себя, жить со своими и все, ничего, никакие кардинальные идеи ему не нужны. Думаю, именно поэтому на Пастернака ополчились все, кому не лень. Хотя и совершенно напрасно, на мой взгляд. Его произведение сильно тем, насколько верно подобрано каждое слово, насколько красиво каждое описание. И мне как-то по-человечески обидно, что ему пришлось все это вытерпеть,

ведь многие даже не читали его книгу, ходила такая фраза – «Не читал, но осуждаю». Вот так, под давлением общественности он и отказался получать Нобелевскую премию.

Я очень разволновалась, пока говорила все это. Мне всегда хотелось делиться с кем-нибудь своими мыслями о литературе, которая была для меня источником сил и поддержки. Страшно признать, но моего мужа не очень-то волновало, что я читаю или думаю о прочитанном. Литература не входит в предмет его интересов. Вообще, я заметила, что все, выходящее за пределы его мониторов, не входит в круг его интересов. А я там скорее по привычке. Впрочем, нас обоих все устраивает, а я отвлекалась.

– Какое глубокое чувство вызвала в тебе эта книга, – отозвался Хайни, и мне показалось, что его щеки немного порозовели, – знаешь, должен признаться, я читал ее, – он робко посмотрел на меня, не буду ли я осуждать его.

Я удивленно вскинула брови, и съязвила:

– Значит, и с названием ресторана ты меня обманул? Прекрасно знал, что это за «врач такой».

– Прости, что не сказал раньше, мне было так интересно, что ты думаешь, и я хотел найти повод познакомиться с тобой поближе. Все эти вещи про гонения я не знал, честное слово, – он раскинул руки в стороны, словно сдаваясь, – но я с тобой полностью согласен, это прекрасное произведение, и теперь мне хотелось бы прочитать книгу на русском, чтобы узнать полную красоту оригинала.

– Согласна, и, конечно, это было бы здорово, но русский в принципе очень сложный, тебе придется много-много лет сначала его учить.

– Да, я знаю, но может ты мне поможешь, – он подмигнул.

Ну что мне сделать, чтобы мне не было с ним так легко? Даже эти намеки не могут заставить меня броситься со всех ног куда подальше, а скорее наоборот, все сильнее провоцируют интерес и желание свободно поддаться порыву.

Чувствовала себя как героиня в одном из рассказов Чехова, которая не давала строгий отпор своему ухажеру, а все юлила, оставляла полутона, надежду. Говорила, что не может больше видеться с человеком, который просил ее оставить мужа, но потом все равно выходила к нему на встречи, слушала его сладкие признания, и строила из себя порядочную жену. И сбегала в конце концов, бежала приплясывая, и все причитала, какая нехорошая. Мне она всегда казалась неприятным персонажем. А теперь сама себя веду как та дама.

Мы шли дальше, болтали обо всем, о литературе (он оказался любителем классики, особенно французской, но и русской в том числе, читал Достоевского, Толстого), об этом мире, о людях, ценностях. Было такое чувство, что мы упустили много лет жизни, которые должны были провести рядом и теперь восполняем упущенное ускоренными темпами. Мы совсем перестали следить за временем. Муж не звонил, он знает, что я могу допоздна задерживаться. И я была неверо-

ятно этому рада. Стыдно, но он совсем вылетел у меня из головы в эти минуты.

Мне было интересно с этим мужчиной, в душе которого все еще жил нескладный мальчишка, он меня веселил. Я с любопытством изучала его легкую улыбку, цвета крепко заваренного чая глаза, которые то поблескивали от удовольствия, то вкрадчиво вглядывались из-под широких бровей, густых, темных, будто переклеенных по случайности от другого лица, с белевшими уже в двух местах волосинками.

Опускались первые сумерки, закат заалел над набережной со стороны Кремля. Мы стояли на мосту и смотрели на уплывающее в следующий день солнце. Хайни повернулся к реке спиной, облокотился на каменное ограждение и посмотрел прямо и открыто в мои глаза.

– Ну что, теперь-то ты поняла? – он спросил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.